

Д. В. Тимофеев
**ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.:
ОТ ЧАСТНЫХ ПРОШЕНИЙ К СОЗДАНИЮ
«ДОМА ПРАКТИЧЕСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ»***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-16-26

УДК 94(47)“18” ББК 63.3(2)52

В авторской интерпретации конкретно-историческое исследование процесса формирования публичной сферы в России первой четверти XIX в. возможно на основе комплексного анализа особенностей социально-коммуникативных практик, сопровождавшихся возникновением относительно независимых от государства сообществ российских подданных. В статье в качестве одного из актуальных вопросов, способствовавших возникновению пространства для дискуссий и обращения к институтам власти с жалобами, прошениями и проектами, рассмотрен вопрос о необходимости предоставления российским подданным возможности защитить себя от произвола чиновников и неправомερных решений судов. В контексте сложившейся практики публикации различных «письмовников», «всеобщих секретарей», «судобрядников» и иных справочных изданий, а также соответствующих норм действующего законодательства выявлены идейные и организационные основания, способы взаимодействия и реакция государства на создание И. Наумовым сообщества «публичных адвокатов». Сделан вывод о том, что, несмотря на непродолжительный период работы, «Дом практического правоведения» стал одной из важных «точек сборки» институтов публичной сферы. Проведенное исследование позволяет утверждать, что «узловые точки» публичной коммуникации в первой четверти XIX в. могли возникать не только по инициативе правящих элит или монарха, как это было в XVIII в., но и в результате публичной деятельности частных лиц.

Ключевые слова: *публичная сфера в России XVIII–XIX веков, И. М. Наумов, Дом практического правоведения, история общественной мысли в России первой четверти XIX века, публичная адвокатура*

Приложение теоретических рамок концепции Ю. Хабермаса к исторической реальности Российской империи второй половины XVIII — первой половины XIX в. требует критического осмысления вопроса о сходствах и различиях исторического опыта формирования публичной сферы в России и странах Западной Европы Нового времени. В фундаментальной работе «Структурное изменение публичной сферы» Ю. Хабермас¹ рассматривал процесс развития «буржуазной публичной сферы» от ее зарождения в XVIII в., когда она заменила собой «репрезентативную публичность» правителя и двора, основанную на демонстрации формального статуса, до ее вступления в фазу кризиса в конце

¹ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества (с предисловием к переизданию 1990 года). М., 2016.

Тимофеев Дмитрий Владимирович — д.и.н., доцент, руководитель Центра социальной истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: dmitrim@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия» (рук. Д. В. Тимофеев)

XIX в. В авторской интерпретации зарождение публичной сферы, первоначально связанное с развитием экономики и превращением информации в товар, обусловило становление нового типа публичности, который предполагает возможность высказывать критические суждения и участвовать в дискуссиях вне жесткой зависимости от социального статуса индивида. При сохранении различий в формально-юридическом статусе такое условное равенство участников социально-коммуникативных взаимодействий становится возможным благодаря распространению периодической печати и возникновению доступных для посещения общественных мест (кофейни, салоны, театры, салоны, библиотеки и др.), где происходило обсуждение самых разных новостей и событий. Позднее, отвечая своим многочисленным оппонентам, Ю. Хабермас в предисловии к изданию 1990 г. признавал во многом идеалистический характер разработанной им в 1960-х гг. концепции «буржуазной публичной сферы», соглашаясь, что даже в рамках одной страны она могла быть неоднородной, и допускал сосуществование «конкурирующих публичных сфер».²

² Там же. С. 12–14.

Высказанная таким образом идея, на мой взгляд, сближает теоретические размышления Ю. Хабермаса с исторической реальностью, так как в действительности в любом социально дифференцированном обществе люди отличаются не только по уровню материального положения, но и по форме организации досуга, стремлению к просвещению и возможности доступа к различным учреждениям культуры и образования. Все это обуславливает различия в способах выражения позиции индивида, но при этом не означает абсолютной замкнутости одновременно сосуществующих публичных сфер. В данном контексте представляется целесообразным сконцентрировать внимание не на поиске «публичной сферы» вообще, как некой абстрактной теоретической модели, а на механизмах формирования и функционирования «узловых точек» публичной коммуникации и тех вопросов, которые оказывались в центре общественных дискуссий.

В России со второй половины XVIII в. в городах существовало несколько «узловых точек» публичной коммуникации (рынки, ярмарки, магазины, церкви, кабаки), где происходил обмен новостями, распространялись различные «слухи и толки». В первой четверти XIX в. они были дополнены различного рода «обществами» (официальными, научными, благотворительными, тайными), литературными салонами, кружками и клубами, где помимо развлечения участники могли высказывать мнения о событиях в стране и за рубежом, о политике и экономике, внешнеполитических обстоятельствах и возможности проведения каких-либо внутренних преобразований.³ Значимым фактором расширения каналов публичной коммуникации становятся количественный рост и содержательное разнообразие печатной продукции (книги, учебные пособия, газеты, журналы и т. п.), посредством которой читатель не только получал информацию, но и высказывал свое мнение о содержании какой-либо публикации (через рецензию или письмо в редакцию). Одновременно с неформальной коммуникацией в России существовали и формально-публичные каналы, посредством которых российские подданные обращались с прошениями, жалобами и проектами в различные

«присутственные места». Результатом такого обращения могло стать издание указа, высочайше утвержденного мнения Государственного Совета или постановления Сената, которые, в соответствии с установленным порядком, подлежали публикации в официальных периодических изданиях.

С учетом всего вышеизложенного в настоящем исследовании «публичная сфера» рассматривается как сеть «узловых точек» и информационных каналов, предоставляющих возможность различным субъектам задавать вопросы, высказывать критические замечания и предложения по наиболее важным социально-политическим, экономическим или религиозно-нравственным вопросам. В рамках данной статьи основное внимание сконцентрировано на идейных и организационных основаниях, способах взаимодействия и реакции государства на попытки создания независимого от него сообщества «публичных адвокатов».

Одним из ключевых дискурсов в России первой половины XIX в. был вопрос «о восставлении силы закона», который воспринимался современниками не только как провозглашенная верховной властью необходимость упорядочения системы законодательства, но и как потребность в совершенствовании процесса рассмотрения жалоб, прошений, а главное — в предоставлении российским подданным возможности защитить себя от произвола чиновников и неправомερных решений судов. Косвенным подтверждением этого являются издаваемые по инициативе частных лиц «практические руководства», авторы которых разъясняли правила составления и подачи прошений в различные учреждения. Одним из таких изданий было «Рассуждение о прошениях и жалобах» А. Плавильщикова, в котором автор, отвечая на вопрос, кто имел право подавать прошения, констатировал: «Сочинение просьб никому не запрещено. Законы возбраняют только писать в просьбах непринадлежащее к делу и особливо запрещают составлять ябеднические прошения...»⁴

В такой трактовке, при соблюдении всех правил оформления и сроков подачи, любое прошение могло быть принято к рассмотрению. Но одновременно с этим А. Плавильщиков соглашался с распространенным мнением о том,

³ См. подр.: Розенталь И. С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв. М., 2007. С. 16–140; Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX века. М., 2003.

⁴ Плавильщиков А. Рассуждение о прошениях и жалобах, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оныя должны. СПб., 1811. С. 16.

что большинство российских подданных неспособно было самостоятельно разобраться во всех тонкостях и противоречиях российского законодательства, а недостаточное количество юридически грамотных стряпчих, которые могли бы представлять их интересы, превращало судебное разбирательство в формальность. В этой связи автор ставил вопрос о допустимости найма бывших или находящихся на службе чиновников для представительства по частным делам в различных присутственных местах. Размышляя на эту тему, он упоминал указ 30 марта 1806 г., в резолютивной части которого объявлялся запрет на «сочинение прошений и хождение по делам всякого рода» для бывших чиновников, ранее высланных из Вятки в Казанскую губернию.⁵ В тексте указа для предотвращения «подобного ябедничества, могущего возродить такое же зло и в других губерниях», подтверждалось требование принимать прошения и жалобы только на гербовой бумаге при обязательном указании имени просителя, а также того, кто непосредственно писал документ. Таким образом, указ от 30 марта 1806 г. не устанавливал новых требований, но его появление, на мой взгляд, позволяет выявить две важные тенденции в процессе формирования элементов публичной сферы в России.

Во-первых, описанный в указе случай позволяет утверждать, что письменные обращения в «присутственные места» стали достаточно распространенным явлением, которое порождало устойчивый спрос на услуги действующих или бывших чиновников, обладавших необходимыми для правильного оформления документации знаниями. Приведенный в приложении к указу от 30 марта 1806 г. «Список о живущих праздно в городе Казани без должностей чиновниках и другого звания людях, снискивающих пропитание от писания разных людям просьб» наглядно иллюстрирует социально-профессиональный состав тех, кто помогал просителям: наряду с различными секретарями и регистраторами в списке упоминаются «консташель», поручик, прапорщик, купец и даже «безместный дьякон».⁶ Во-вторых, издание указа отражает опасения правительства, что дальнейшее распространение практики составления прошений существенно осложнит работу различных учреждений и судов, а это в условиях недостатка квалифицированных чиновников

неизбежно приведет к росту так называемых нерешенных дел. На официально-публичном уровне понимание актуальности и сложности данной проблемы было продемонстрировано в указах от 11 апреля 1808 г. и 31 июля 1808 г. В первом из них устанавливался порядок представления жалоб от какого-либо общества «поверенными» людьми,⁷ а во втором — подтверждался установленный еще 24 августа 1753 г. запрет «находящимся при должностях чиновникам быть поверенными по делам частным».⁸

Однако запрет для чиновников выступать посредниками в частных делах не решал проблемы неспособности большинства российских подданных правильно оформить необходимые для административного или судебного разбирательства документы. Показательно, что данный вопрос неоднократно воспроизводился даже в проектах, которые, на первый взгляд, не имели прямого отношения к системе судопроизводства. Так, например 1 января 1813 г. директор Астраханских училищ А. Храповицкий направил министру просвещения А. Разумовскому записку «Рассуждение о причинах, останавливающих народное просвещение, и о способах, каким образом вкравшееся зло искоренить». В тексте автор, размышляя о необходимости изменений в содержании учебных программ, предлагал всех учеников уездных училищ в обязательном порядке «заставлять читать Учреждение о губерниях», а тем из них, кто завершал курс «Российской грамматики» — «показывать порядок письменных дел в судебных местах, образцы различных прошений, входящим и исходящим бумагам, и каким образом записывать их вкратце в реестры».⁹ В гимназии же, по мнению А. Храповицкого, следовало объяснять учащимся, в чем состоит «сила коренных законов и Государственных постановлений» и смысл наиболее важных статей «Устава воинского», а для получения необходимых в повседневной практике навыков учеников нужно было «учить писать прошения». В результате, по словам автора, «ученик вышедший из училища, будет уметь написать какую-нибудь нужную для себя бумагу для подачи в присутственное место, и избегнет поклонов и денежных издержек на подьячих; и ни один отец не пожалуется, что ученый сын его не умеет написать простой приказной бумаги, в которой часто встречается ему необходимость».¹⁰

⁷ Там же. СПб., 1830. Т. 30. № 22.958. С. 177.

⁸ Там же. № 23.189. С. 476.

⁹ РГИА. Ф. 773. Оп. 118. Д. 425. Л. 30б.

¹⁰ Там же. Л. 30б–4.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 29. № 22.076. С. 153–154.

⁶ Там же.

В публичном пространстве стремление сделать процедуру рассмотрения частных дел в «присутственных и судебных местах» менее затратной и одновременно — придать ей максимально открытый характер отчетливо прослеживается и в многочисленных «письмовниках», «всеобщих секретарях», «судобрядниках» и иных справочных изданиях. Такого рода книги имели сугубо практическую направленность и содержали конкретные примеры составления официальных и частных писем, жалоб, прошений, донесений, которые могли быть использованы в самых разных жизненных ситуациях. Однако для определения влияния подобных сборников на процесс формирования в России элементов публичной сферы важно отметить не только типологическое разнообразие представленных в них документов, но и их содержание.

В данном контексте показательным примером осознания актуальности проблемы взаимодействия индивида с «присутственными местами» и одновременно варианта ее решения на частном уровне является текст опубликованного в одном из «письмовников» договора «Об отдаче мальчика для научения стряпческим делам».¹¹ В качестве договаривающихся сторон под вымышленными именами упоминались полковник И. С. Чистосердов и титулярный советник П. З. Здравомыслов, первый из которых 28 мая 1808 г. отдавал второму на 4 года для обучения «стряпческим делам» «крепостного своего человека» И. С. Острякова. Условия договора содержали программу обучения. На первом этапе ученику следовало «списывать разные российские законы» и «судебные бумаги». При этом наставник должен был объяснять смысл законов, а также значение различных юридических терминов и правила составления «всякой следующей в судебное место бумаги». После теоретической подготовки ученик под присмотром Здравомыслова отправлялся «в судебные места» для наблюдения за их работой. В процессе наблюдения наставник должен был «показывать тот порядок, который существует, или какой должен быть соблюден в течение производства дел, как судебных и вотчинных, так следственных и уголовных». На третьем этапе Здравомыслов обязан был «заставлять» Острякова самостоятельно сочинять «судебные бумаги всякого рода», а в случае, если в них что-то «окажется неисправно, то поправлять, и

...изъяснять, что было им при сочинении пророчено, и что написано было совсем не приличное, и чего должно завсегда остерегаться».¹² Таким образом, вымышленный заказчик, полковник Чистосердов, выплачивая Здравомыслову в течение 4 лет по 100 руб., получал знающего судебное делопроизводство человека, который был способен составить различные документы в суд и следить за их продвижением в процессе рассмотрения дела. Конечно, данный пример не был типичным способом упростить и удешевить коммуникацию с институтами власти, но его появление на страницах письмовника позволяет предположить, что сама по себе предложенная схема не воспринималась современниками как абсурдная или не заслуживающая внимания.

Большая востребованность подобных изданий в совокупности с жанровым разнообразием представленных в них документов свидетельствуют об усложнении системы социально-коммуникативных взаимодействий российского подданного с властными институтами. Системный характер работа по созданию постоянно действующих каналов обратной связи власти и подданных получила после издания 1 января 1810 г. Александром I манифеста о преобразовании Государственного Совета, в соответствии с которым из числа его членов по назначению императора создавалась специальная «комиссия прошений». С этого момента на официальном уровне было признано право российских подданных подавать не только частные «жалобы» и «прошения каких-либо наград или милостей», но и «проекты».¹³

В совокупности со смягчением цензурных правил, допускающих публичные высказывания частных лиц в периодической печати, изданием разнообразных «рассуждений», «речей» и «наставлений» появление официального разрешения подавать «проекты» было одним из факторов активизации поиска способов помощи тем, кто вынужден был обращаться в суды для отстаивания имущественных и личных неимущественных прав. В некоторых случаях такого рода инициативы приводили к возникновению относительно независимых от власти организаций, которое, на мой взгляд, следует рассматривать как проявление процесса формирования в России элементов публичной сферы.

Один из таких случаев связан с деятельностью надворного советника Ивана Макеевича

¹¹ Об отдаче мальчика для научения стряпческим делам // Новейший самый полный и подробный письмовник и всеобщий секретарь в четырех частях. СПб., 1822. Ч. 4. С. 240–243.

¹² Там же. С. 241, 242.

¹³ ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 31. № 24.064, § 95–113. С. 12–13.

Наумова, который в начале 1812 г. направил проект создания «Дома практического правоведения». Текст проекта был представлен Александру I министром просвещения А. К. Разумовским. После ознакомления с его содержанием император посчитал целесообразным показать проект министру юстиции И. И. Дмитриеву и, получив от него положительный отзыв, одобрил предложение Наумова. О принятом решении 31 января 1812 г. было объявлено министром просвещения главнокомандующему в Москве генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу, по предписанию которого чиновники городской управы Благочиния взяли с Наумова «подписку в исполнении Высочайшей воли».¹⁴ После этого объявление о создании предложенного И. Наумовым «Дома практического правоведения» было напечатано в «ведомостях обеих столиц».¹⁵

Являясь не только чиновником, но и литератором, И. Наумов в равной степени понимал, как работают государственные институты¹⁶ и как следует преподнести информацию для широкой аудитории читателей. Именно поэтому и после представления проекта императору он продолжил активно издавать собственные сочинения, в которых кратко и доступно объяснял российскому читателю необходимость и назначение законов, соотношение нравственности и права, основные правила судопроизводства.¹⁷ Такая стратегия сочетания публичного обращения к образованной читающей публике и высокопоставленным представителям власти первоначально обеспечила достаточную для реализации проекта поддержку. Одним из инструментов реализации данной стратегии было, например, обращение 12 марта 1812 г. с письмом к министру полиции А. Д. Балашову, которое сопровождалось приложением двух новых книг И. Наумова:¹⁸ «Изложение юридических предметов для руководства к познанию практического правоведения» и «О справедливо-

сти и несправедливости».¹⁹ Вкратце изложив их основное содержание, Наумов просил министра разрешить напечатать в газетах объявление о наборе желающих на бесплатную подготовку стряпчих в «Доме практического правоведения», аргументировав необходимость данной меры тем, что «тогда в обществе меньше будет тяжб и несправедливостей, и судебные места свободные сделаются от запутанностей ябеды».²⁰ За несколько дней до отъезда А. Д. Балашова с Александром I в Вильно и назначением управляющим Министерством полиции С. К. Вязмитинова, 24 марта 1812 г. Наумов направил министру полиции еще одно письмо, в котором, аргументируя общественную значимость «Дома практического правоведения», утверждал, что его создание со временем приведет к возникновению «в государстве особого круга образованных стряпчих», которые будут бесплатно помогать бедным, сиротам и вдовам.²¹

Письма высокопоставленным чиновникам рассматривались Наумовым как способ получить легальную возможность создать независимую от непосредственного управления государством и потому принципиально новую для России систему оказания юридической помощи. Получив одобрение императора, он незамедлительно начинает поиск потенциальных сотрудников «Дома практического правоведения» и привлечение клиентов, чьи интересы они могли представлять. Для этого летом 1813 г. он публикует «Речь по случаю Высочайшего его императорского величества соизволения на существование в России Дома практического правоведения...»,²² а с осени 1813 г. издает «Журнал Дома практического Правоведения».²³ В комплексе с направленным через графа А. А. Аракчеева 9 января 1814 г. отчетом о работе за 1813 г., проектом «Об учреждении Совета дома практического правоведения» и запиской «Существенное право Дома практического правоведения»²⁴

¹⁴ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 342. Л. 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ранее Наумов работал в межевой канцелярии VI департамента Сената, исправником в Московской губернии, а с 1803 г. стряпчим казенных дел при Московском губернском правлении. За работу по выявлению злоупотреблений чиновников награжден орденом Св. Владимира 4-степени. Был лично знаком с Г. Р. Державиным и И. И. Дмитриевым. См.: Стенник Ю. В. Наумов Иван Мокоеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К–П. СПб., 1999. С. 332–334.

¹⁷ Всего, не считая литературных произведений, И. М. Наумов является автором не менее 10 книг по правоведению, см.: Наумов Иван Мокоеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11. С. 143–145; Стенник Ю. В. Указ. соч. С. 332–334.

¹⁸ 7 февраля 1812 г. книги получили разрешение цензора И. Тимковского.

¹⁹ Наумов И. М. Изложение юридических предметов для руководства к познанию практического правоведения. СПб., 1812; Он же. О справедливости и несправедливости. СПб., 1812.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–50б.

²¹ См.: Там же. Л. 60б.

²² Наумов И. Речь по случаю Высочайшего Его Императорского Величества соизволения на существование в России Дома практического правоведения, для образования стряпчества на защиту разумом Законов бессильного правого против сильного неправого и на истребление ябеды — внутренней вражды в гражданстве, поднесенная Его Императорскому Величеству. СПб., 1813. На первой странице указана дата подписания цензором разрешения на издание книги — 7 июня 1813 г.

²³ Журнал для практического правоведения по предмету образования стряпчества, издаваемый надворным советником Ив. Наумовым. СПб., 1813. Ч. 1; СПб., 1814. Ч. 2.

²⁴ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 342.

все эти тексты позволяют определить, являлась ли созданная Наумовым организация одной из узловых «точек сборки» публичной сферы. Для решения данной задачи необходимо ответить на ряд принципиально важных вопросов: 1) каким образом была сформулирована цель «Дома практического правоведения»; 2) кто и на каких условиях в нем работал; 3) как выстраивались взаимоотношения с государственными структурами; 4) по каким делам оказывали помощь сотрудники «Дома» и какую реакцию в российском обществе вызвала их деятельность.

Во всех указанных выше текстах Наумов обосновывал необходимость создания в России новой профессиональной группы «публичных адвокатов». Обозначая основные направления деятельности нового профессионального сообщества, он писал: «Дом Практического Правоведения не есть судилище, но место открытого адвокатства, и в действиях своих зависит от свободной к нему доверенности честных граждан. Он имеет обязанность образовывать стряпчих и сам обрабатывать²⁵ (написание сохранено. — Д. Т.) дела ему поручаемые с доверенностью прекращать тяжбы примирением».²⁶ Конечная же цель «Дома», по словам Наумова, заключалась «в уменьшении тяжб и истреблении ябеды, умножающей дела в присутственных местах, и вместе с оными чиновников и расходы на них государственные».²⁷ В такой формулировке ключевым для понимания намерений автора являлось понятие «ябеда», употребляемое как для обозначения человека, который, используя незнание законов и недостаточность денежных средств для найма стряпчего у противостоящей стороны, добивается выгодного для себя решения суда, так и в более широком общественно значимом контексте. «Ябеда», по словам Наумова, «есть внутренняя вражда в гражданстве, разрушающая благосостояние граждан», предотвращение которой невозможно только за счет увеличения численности чиновников и государственных расходов на их содержание.²⁸ Трагуемая таким образом «ябеда» неразрывно связана с общественным сознанием, «она живет во мнениях людей неблагонадежных»,²⁹ а следовательно, по мнению автора, предотвра-

тить умножение различного рода судебных тяжб и связанных с ними злоупотреблений чиновников возможно только в случае, если в России на основе добровольного членства будет создан институт «публичного адвокатства».

Однако очевидно, что для реализации данной цели нужно было найти людей, которые не только хорошо разбирались в российском законодательстве, но и обладали необходимыми для беспристрастной защиты обращающихся за юридической помощью морально-нравственными качествами. Подчеркивая общественную значимость стряпчего («публичного адвоката»), Наумов писал: «В сем звании должна быть главная добродетель — отвращение от корысти, не бояться сильного пристрастия и полагаться на Творца в правом своем поведении. <...> Долг его есть: сказать чистосердечно о праве требующему от него защищения. Он обязан отвергнуть в сердце всякое лицепрятие».³⁰

Следует отметить, что подобного рода рассуждения о честности, беспристрастности и смелости как важнейших критериях отбора чиновников для работы в «присутственных и судебных местах» соответствовали идеалам философии эпохи Просвещения и часто встречаются в различного рода публицистических и учебных текстах российских авторов первой четверти XIX в. Но в данном случае автор не ограничивался теоретическими рассуждениями о том, как должно быть, а предлагал практически ориентированный, реалистичный вариант решения проблемы. Понимая, что создание специализированного учебного заведения неизбежно приведет к конфликту с министерством просвещения, которое ревностно относилось ко всему, что было связано с образованием и воспитанием подрастающего поколения, Наумов подчеркивал, что «Дом Практического Правоведения не представляет собою обыкновенного училища и потому не входит в училищное ведомство». Все, кто выразит готовность сотрудничать с «Домом» и «приобрести права на публичное адвокатство», должны уже иметь образование, полученное в университете или «другом высшем училище».³¹ Вступая в число «членов» или «корреспондентов» «Дома», они получали информацию об изменениях в законодательстве и практические навыки ведения судебного делопроизводства.

В такой конфигурации «Дом практического правоведения» выступал в роли своеобразного

²⁵ Данный термин обозначал, что сотрудники будут составлять все необходимые документы, а при необходимости представлять интересы своих клиентов в суде.

²⁶ Наумов И. Речь по случаю... С. 28–29; ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 342. Л. 10.

²⁷ Там же. Л. 10–11.

²⁸ См.: Там же. Л. 18–19.

²⁹ Там же. Л. 19.

³⁰ Наумов И. Речь по случаю... С. 22.

³¹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 342. Л. 18.

координационного центра, объединяющего на добровольной основе людей, способных правильно оформить документы и представлять интересы частных лиц в суде. Предполагалось, что его существование будет зависеть от «договоренности публики» и желания «благонамеренных сотрудников, которые трудами своими безынтересно принимают на себя обязанность помогать правой, но бедной стороне, не имеющей средств ни лично защищать свое дело по неведению судопроизводства, ни нанимать стряпчих».³² Содержательно приведенная выше цитата отражает основополагающие принципы деятельности созданного Наумовым «Дома практического правоведения»: «безынтересность», то есть бесплатность работы сотрудников, была связана, во-первых, с направленностью на помощь вдовам, сиротам и всем тем, кто не имел возможности оплатить услуги обычных стряпчих. Во-вторых, принимая в работу «только одни тяжбы между частными лицами» имущественного характера, сотрудники должны были стремиться к досудебному примирению сторон, и лишь в случаях, когда это не удавалось — защищать интересы своих доверителей в суде.³³

Но главным условием для участия «публичных адвокатов» в решении имущественных тяжб была основанная на материалах дела уверенность сотрудников «Дома» в законности и справедливости требований их подзащитных. Именно данное требование, по мнению Наумова, существенным образом отличало «Дом практического правоведения» от европейских аналогов. Обращаясь к императору, он писал об этом: «В Европе давно учреждены публичные адвокатства; но образ их учреждения не удовлетворяет благу общему. Там стеснена свобода защищать посторонним в судах дела: сие право перенесено на одних публичных адвокатов. Но в России... Дом Практического Правоведения имеет лучшее правило. Его обязанность есть образовывать адвокатов и самому защищать токмо правые дела; от неправых же дел отказываться; и в таком случае проситель может защищать их или сам, или чрез своего стряпчего. Таким образом свобода в гражданстве на защиту своего права ни для кого не стесняется».³⁴

Однако на практике соблюдение принципа «защищать токмо правые дела» было возможно, если «публичным адвокатам» предостав-

лялся доступ ко всем документам рассматриваемого дела, следовательно, «Дом практического правоведения» должен был взаимодействовать с государственными структурами. Понимая это, Наумов предлагал наделить сотрудников «Дома» правом обращения к губернаторам о содействии в получении необходимых документов и досудебному примирению сторон. При этом он подчеркивал, что удовлетворение подобного рода запросов ни в коем случае не следует вменять в обязанность губернаторам. Для сохранения независимости от местных властей любые обращения являлись всего лишь «просьбой», которую губернатор мог исполнить по своему усмотрению.³⁵ О том, что такая схема взаимоотношений с местными властями вполне приемлема для всех заинтересованных сторон, Наумов упомянул 9 января 1814 г. в письме Александру I, в котором он с удовлетворением отмечал: «Главкомандующий в Москве и другие господа губернаторы содействуют уже Дому Практического Правоведения беспристрастным с их стороны участием в пользу правых, но страждущих...»³⁶ География взаимодействия с губернаторами и заявителями отражена в отчете начала 1814 г. о содержании запросов и ответной реакции московского главнокомандующего, губернаторов Вологодской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Псковской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской и Тульской губерний.³⁷ В большинстве случаев губернаторы способствовали сбору информации, и лишь губернаторы Тамбовской и Вятской губерний, не считая переписку с «Домом» для себя обязательной, не ответили на запрос его сотрудников.³⁸

Логично предположить, что сама возможность подобной реакции чиновников регионального уровня, а также стремление придать институту «публичных адвокатов» большую значимость актуализировали идею формирования в общественном сознании представления о том, что «Дом практического правоведения», являясь добровольным и независимым от государства сообществом, имеет возможность прямого обращения к императору. Именно такой механизм влияния на поведение тех, кто, обладая полезными связями или материаль-

³² ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 342. Л. 22–23.

³³ См.: Там же. Л. 22.

³⁴ Там же. Л. 12; Наумов И. Речь по случаю... С. 27, 28.

³⁵ См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 342. Л. 22.

³⁶ Там же. Л. 16.

³⁷ См.: Там же. Л. 35–120.

³⁸ См.: Там же. Л. 47, 53–57.

ным благополучием, пытался использовать суд для ущемления законных интересов других сограждан, предложил использовать Наумов. В письме Александру I от 9 января 1814 г. он сформулировал это следующим образом: «Дом практического правоведения, не имея никакой власти, кроме права открыто защищать страждущую невинность разумом законов и доводить до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества об особенных случаях притеснения невинности, существованием своим произведет влияние на общее мнение, что всякое притеснение в самом его начале известно будет Вашему Императорскому Величеству, и потому каждый в себе самом будет остерегаться даже и мысли противной обязанностям его служения».³⁹

В приложенном к письму «Проекте учреждения Совета Дома практического правоведения»⁴⁰ Наумов предложил создать под общим покровительством императора своеобразный координационный орган с номинально-консультативными функциями. По проекту «Совет Дома практического правоведения», в состав которого по назначению императора входили председатель и почетные члены, должен был при получении соответствующего запроса от управляющего «Дома» (то есть самого Наумова) рассматривать «представления» о работе, а в случае необходимости — направлять их Александру I. При невозможности личного участия в заседаниях члены Совета имели право представить письменное мнение по рассматриваемому вопросу. Такой режим работы, по мысли Наумова, не требовал никаких расходов из государственной казны, так как «не может отвлекать никого из них от настоящих должностей и собственных их занятий», а следовательно, они продолжали получать жалованье по основному месту службы.⁴¹ Дополнительным подтверждением сугубо консультативных функций Совета и нецелесообразности его государственного финансирования являлось то, что и почетные члены, и председатель будут заниматься делами «Дома» лишь по мере поступления запросов, по выражению Наумова, «случайных».

Открытие независимого от государства «Дома практического правоведения» вызвало заметный общественный резонанс. В письме императору Наумов отмечал, что сразу после публикации в «Ведомостях» объявления

о его создании «в Москве еще до нашествия неприятеля довольно чиновников, окончивших в университетах обыкновенные науки, изъявили желание образоваться в публичном адвокатуре»⁴² (написание сохранено. — Д. Т.). Еще большую заинтересованность в работе «Дома» выразили участники различных имущественных тяжб. Проведенный в рамках настоящего исследования сплошной анализ аннотаций всех 54 дел, представленных императору в отчете за 1813 г. показал, что услуги сотрудников «Дома» были востребованы у представителей различных групп, вне жесткой зависимости от их сословной или профессиональной принадлежности. Так, например, среди обратившихся за юридической помощью указаны: ямщик; поверенный от курских однодворцев; отставной инженер; коммерции советник; купец и купеческий сын; ресторатор; коллежский асессор, регистратор; секретарь; надворный, статский и титулярный советники; прапорщик; лейтенант; ротмистр; подпоручик; подполковник; штабс-капитан; майор; отставной гвардии полковник; отставной генерал-майор; жены сержанта, гвардии-поручика, надворного советника; вдовы канцеляриста, поручика, коллежского асессора, статского советника, титулярного советника, есаула, купца и др. Не менее обширной была и география направляемых запросов: только за год работы были получены заявления с просьбой о посредничестве при разбирательстве гражданских дел из 18 губерний.

Но, как у любого общественно значимого явления, у «Дома практического правоведения» были не только сторонники, но и противники. Так, например, военный губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин 3 апреля 1813 г. в донесении министру полиции С. К. Вязмитинову сообщал, что Наумов под прикрытием юридической помощи активно «пропагандировал идеи равенства людей».⁴³ Проведенный анализ как опубликованных самим Наумовым текстов, так и материалов, отложившихся в архивных фондах, позволяет усомниться в обоснованности такого рода обвинений.⁴⁴ Единственное равенство, о

³⁹ Там же. Л. 10.

⁴⁰ ГАРФ, Ф. 1165. Оп. 1. Д. 7. Л. 24–25 об.

⁴¹ Поиск Ростопчиным внутренних врагов и выявление революционных настроений были направлены на укрепление собственного авторитета в глазах императора. Для достижения этой цели он мог использовать надуманные поводы и даже выдуманные истории. См. подр.: Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени. М., 2020. С. 148–161; Бестужев-Рюмин А. Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // Русский архив. 1896. Вып. 7. С. 343–346.

³⁹ Там же. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 18–21.

⁴¹ Там же. Л. 19–20.

котором писал Наумов, — равенство всех российских подданных перед Богом, властью монарха и установленным им законом. Возможно, Наумов знал о донесении Ростопчина и поэтому уже 7 апреля 1813 г. для объяснения нелепости выдвинутых против него обвинений направил С. К. Вязмитинову рапорт с подробным объяснением цели создания «Дома практического правоведения». В нем он писал: «...нравственность обязывает каждого гражданина иметь уважение к подобным себе, а к начальству не только уважение, но и безмолвное повиновение по законам нравственности же предписанным». ⁴⁵ Именно взаимное уважение граждан к друг другу и беспрекословное повиновение законам способствуют мирному развитию общества. Деятельность же «Дома практического правоведения», по словам Наумова, приведет к тому, «что каждый благонамеренный гражданин почувствует новое побуждение прекращать мирным образом возникающие свои тяжбы... отчего происходит подлинное спокойствие в гражданстве, ибо каждый будет заниматься своим делом». ⁴⁶ В такой трактовке деятельность «Дома практического правоведения» не должна была вызывать никаких опасений у власти.

Однако, несмотря на высказанные в рапорте аргументы, после получения императором сведений о письмах Наумова к губернаторам с предложением открыть новые школы практического правоведения он с 6 мая 1813 г. был «взят под наблюдение». Несколько позднее по требованию министра полиции Наумов подписал обязательство до особого распоряжения властей не открывать аналогичных «домов» или «школ для образованиястряпчих». В сложившихся обстоятельствах Наумов направил письмо Ф. В. Ростопчину, в котором он настаивал на том, что учреждение «Дома практического проведения» является «планом гражданского спокойствия», а истинной причиной составления доносов является противодействие людей, чьи корыстные интересы могли пострадать от деятельности «публичных адвокатов». С этих позиций он с сожалением констатировал, что данное им обязательство сопоставимо с «политической казнью»: «С сего дня с меня взята подписка такого рода, которой содержание едва ли не новое в истории гражданства. Политически отрубается у меня язык, запирается моя совесть и самым чувствованиям

сердца объявлено запрещение быть полезным ближнему». ⁴⁷

В чем же, собственно, состояли претензии власти к деятельности Наумова, и можно ли рассматривать сам факт такой запоздалой негативной реакции как доказательство того, что «Дом практического правоведения» действительно стал одной из «узловых точек» публичной сферы в России? Ответ на первый вопрос, на мой взгляд, связан с несоответствием первоначальных ожиданий власти и результатов деятельности Наумова. Подтверждением этой гипотезы является письмо исполняющего обязанности министра юстиции А. У. Болотникова министру полиции С. К. Вязмитинову, в котором он отмечал, что первоначально Наумову было предоставлено лишь право подготовкистряпчих, но не право представительства в судебных разбирательствах. В действительности же сотрудники Наумова неоднократно участвовали в работе судов по конкретным делам. ⁴⁸ Аналогичная аргументация была высказана и в решении Комитета министров 1815 г., в соответствии с которым деятельность «Дома практического правоведения» была признана не соответствующей установленному порядку судопроизводства. ⁴⁹

Еще один важный фактор, обусловивший изменение отношения властей к деятельности Наумова — война 1812 г. и заграничные походы русской армии, в результате которых внимание императора было сосредоточено на вопросах внешней политики. В условиях военных действий на территории страны и длительного пребывания императора за границей на решение внутриполитических вопросов заметное влияние оказывали А. А. Аракчеев, Ф. В. Ростопчин, министр внутренних дел, министр полиции и другие высокопоставленные чиновники, для которых первостепенное значение имела только такая общественная инициатива, которая способствовала мобилизации ресурсов или подъему патриотических настроений в обществе. С этих позиций масштабирование опыта создания независимых от власти добровольных ассоциаций, ориентированных прежде всего на защиту интересов частных лиц, было не актуальной задачей. Следуя этой логике, даже после завершения военных действий на территории России ряд губернаторов имел настроенное

⁴⁷ Там же. Л. 27.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 270б–33.

⁴⁹ См.: Стенник Ю. В. Указ. соч. С. 333; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 325. Л. 262.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Л. 15.

отношение к частным инициативам. В этой связи показательна, например, реакция гражданского губернатора Воронежской губернии М. И. Бравина, направившего 17 февраля 1814 г. в министерство полиции письмо Наумова, в котором он просил содействовать в организации подписки на «Журнал Дома практического правоуказания».⁵⁰ При этом следует отметить, что данная ранее Наумовым «подписка» устанавливала ограничение лишь на создание новых отделений «Дома», но не содержала запрета на издание «Журнала Дома практического правоуказания», которое продолжалось до конца 1814 г.

После закрытия «Дома практического правоуказания» Наумов не оставил намерений способствовать проведению реформ судебной системы. В октябре 1817 г. он через А. А. Аракчеева представил императору проект «Совместного суда».⁵¹ С 1818 г. продолжил службу чиновником по особым поручениям при петербургском генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче. И даже после выхода в отставку в 1822 г. он продолжил предлагать различные проекты, о чем свидетельствует поданная в 1826 г. Николаю I записка по вопросам улучшения системы управления в России.⁵²

Таким образом, несмотря на непродолжительный период работы, «Дом практического правоуказания», на мой взгляд, стал одной из важных «точек сборки» институтов публичной сферы в России первой четверти XIX в. Активная публикаторская деятельность Наумова, создание пусть и небольшого по численности добровольного сообщества стряпчих, организация коммуникации с чиновниками и клиентами из различных губерний российской империи, в совокупности с противодействием тех, кто уже через год работы «Дома» осознал его эффективность и высказывал опасения в утрате влияния на решение различных имущественных споров в суде — все это, в конечном итоге,

актуализировало дискуссии о целесообразности создания системы «публичной адвокатуры». Убедительным подтверждением этого стало обсуждение 12 апреля 1822 г. в Департаменте законов Государственного Совета, а позднее и в I департаменте Сената вопроса о разрешении чиновникам, находящимся на службе, оказывать помощь в подготовке к подаче документов в различные присутственные места. В ходе обсуждения подчеркивалось, что необходимость разрешить «хождение чиновников по частным делам» обусловлена тем, что «в России нет еще особого класса стряпчих, как то учреждено в других Государствах, которые бы могли удовлетворять сим нуждам граждан, обеспечивая их совершенно как своими познаниями, так и ответственностью в случае упущения по принимаемой ими на себя обязанности».⁵³ Итогом дискуссии стало издание 22 июня 1822 г. «Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета», в соответствии с которым действующим чиновникам разрешалось «хождение по частным делам» за исключением только учреждений, где они «при должностях находятся».⁵⁴ В дальнейшем идея публичной адвокатуры будет реализована в ходе судебной реформы 1864 г.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что «узловые точки» публичной коммуникации могли возникать не только по инициативе правящих элит и монарха, как это было в XVIII в., но и в результате публичной деятельности частных лиц. Но верховная власть в России первой четверти XIX в., первоначально поддерживая инициативу снизу, испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, сохраняла надежду на то, что общественные институты смогут способствовать уменьшению случаев злоупотребления властью и служебным положением чиновниками на местах, а с другой — настороженно относилась к возможности утраты контроля за общественными настроениями.

⁵⁰ Аналогичным образом поступил и Псковский гражданско-го губернатор П. И. Шаховской. См.: О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I. М., 2023. С. 271.

⁵¹ См.: Словарь русских писателей XVIII в. 1999. Кн. 2. С. 334.

⁵² См.: О'Мара П. Указ. соч. С. 273.

⁵³ ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 38. № 29.072. С. 233.

⁵⁴ Там же.

Dmitrii V. Timofeev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: dmitrtim@yandex.ru

RUSSIA'S PUBLIC SPHERE IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY:
FROM PRIVATE PETITIONS TO THE ESTABLISHMENT
OF THE "HOUSE OF PRACTICAL JURISPRUDENCE"

In the author's interpretation, a concrete-historical study of the process of formation of Russia's public sphere in the first quarter of the 19th century is possible based on complex analysis of the specifics of socio-communicative practices accompanied by the emergence of relatively independent from the state communities of Russian subjects. The article, as one of the topical issues that contributed to the emergence of a space for discussion and appealing to the institutions of power with complaints, petitions and projects, considers the question of the need to provide Russian subjects with the opportunity to defend themselves against arbitrary behaviour of officials and unlawful decisions of the courts. In the context of the existing practice of publishing various letter writing guides, "general secretaries", "sudobryadniki" and other reference publications, as well as the relevant norms of the current legislation, it reveals the ideological and organisational foundations, methods of interaction and the state's reaction to a "public lawyers" community created by I. Naumov. It is concluded that, despite the short period of its activity, the "House of Practical Jurisprudence" became one of the important "assembly points" of public sphere institutions. The study suggests that the "nodal points" of public communication in the first quarter of the 19th century could arise not only on the initiative of the ruling elites or the monarch, as it was in the 18th century, but also as a result of the public activities of private individuals.

Keywords: *public sphere in 18th–19th centuries Russia, I. M. Naumov, "House of Practical Jurisprudence", history of public thought in Russia in the first quarter of the 19th century, public advocacy*

REFERENCES

- Bokova V. M. *Epokha taynykh obshchestv. Russkiye obshchestvennyye ob'yedineniya pervoy treti XIX veka* [The Era of Secret Societies. Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century]. Moscow: Reali-Press Publ., 2003. (in Russ.).
- Melgunov S. P. *Dela i lyudi Aleksandrovskogo vremeni* [Affairs and People of the Age of Alexander I]. Moscow: SPSL Publ., Russkaya panorama Publ., 2020. (in Russ.).
- O'Meara P. *Russkoye dvoryanstvo vremen Aleksandra I* [The Russian Nobility in the Age of Alexander I]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2023. (in Russ.).
- Rosenthal I. S. *"I vot obshchestvennoye mnen'ye!" Kluby v istorii rossiyskoy obshchestvennosti. Konets XVIII — nachalo XX vv.* ["And There You Have Public Opinion!" The Clubs in the History of Russian Society. Late 18th — Early 20th Centuries]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2007. (in Russ.).
- Habermas J. *Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery. Issledovaniye otnositel'no kategorii burzhuazno-go obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' mir Publ., 2016. (in Russ.).

Для цитирования: Тимофеев Д. В. Публичная сфера в России первой четверти XIX в.: от частных прошений к созданию «Дома практического правоведения» // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 16–26. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-16-26.

For citation: Timofeev D. V. Russia's Public Sphere in the First Quarter of the 19th Century: from Private Petitions to the Establishment of the "House of Practical Jurisprudence" // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 16–26. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-16-26.